

Ирина Киселёва

Религиозно-этический идеал Михаила Лермонтова : истоки формирования и художественное воплощение

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 5, 30-40

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ИРИНА КИСЕЛЁВА

Москва (Россия)

Московский государственный областной университет

РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Нравственное начало в человеке особый смысл приобретает именно в духовном опыте христианства, потому что, будучи источником нравственности, Христос являет и высший этический идеал, и меру нравственного чувства. Освещённая светом вечности православная нравственность предстает и целью человеческого существования, и средством к ее достижению.

В. Н. Аношкина пишет о «демоноборчестве» (термин В. Н. Аношкиной) Лермонтова. Обращая внимание на атмосферу лермонтовского окружения, она пишет, что поэт, как и всякий православный человек, не может быть «богооставленным», а сомнения оправдываются ранним душевным взрослением при естественной незрелости ума. По мнению В. Н. Аношкиной, поэма *Демон* представляется «глубоко религиозным творением Лермонтова, в своих истоках связанным со старинной христианской литературой, святоотеческими повествованиями о человеческих грехах, искушениях и соблазнах, о злых духах, об ангелах, о Небесном Суде, Божественном милосердии и прощении грешника»¹. В. Афанасьев (монах Лазарь) – не только литературовед, но и талантливый духовный писатель – наш современник пишет: «Лермонтов всю жизнь находил в себе и преодолевал то, что успевал сатана вселять в его душу. В этой борьбе он возрастал»². Один из ведущих современных лермонтоведов И. П. Щеблыкин полагает, что никто «в поэзии не сказал с такой же силою, как Лермонтов, о том, что источник всех человеческих бед состоит в попрании Истины и Блага»³.

Традиция выявления духовных корней лермонтовской этики восходит уже к воспоминаниям современников и к первой биографии поэта, написанной П. А. Висковатовым, который прочувствованно передал отношения между Лермонтовым и любящей его глубоко-религиозной бабушкой, которая «так дрожала над внуком, что всегда, когда он выходил из дому, крестила его и читала над ним молитву. Он уже офицером, бывало, спешит на учение или парад, по службе, торопится, но бабушка его задерживает и произносит обычное благословение, и так, бывало, по несколько раз в день...»⁴. В начале XX века П. А. Кропоткин в работе *Идеалы и дейст-*

¹ В. Аношкина-Касаткина, *Религиозное добро и зло в поэме «Демон»*, [в:] М. Ю. Лермонтов и Православие, Москва 2010, с. 97.

² В. В. Афанасьев, «Печальный демон, дух изгнания...», «Литературная учеба» 2000, № 3, с. 102.

³ И. П. Щеблыкин, *Поэт пророчества и преодоления*, [в:] Ю. Лермонтов, Пенза, 1999, вып. 5, с. 7.

⁴ П. А. Висковатов, *Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество*, Москва 2004, с. 74.

вительность в русской литературе говорил о высоком потенциале личности Лермонтова и о религиозных корнях его этического чувства. «Одаренный врожденным чувством красоты, не могущей существовать вне Правды и Добра, и в то же время окруженный – особенно в светском обществе, в котором он вращался и на Кавказе – людьми, которые не могли или не смели понять его, он легко мог бы прийти к пессимистическому мировоззрению и к человеконенавистничеству; но он всегда сохранял веру в человека»⁵, – пишет исследователь, акцентируя духовную силу личности поэта. Н. И. Стороженко и Н. П. Дашкевич образно пишут об ангеле-утешителе Лермонтова, которым явилась для него религия. «Только религия могла смирить эту огненную боевую натуру, исполнить ее прощения и любви»⁶, – так характеризуют поэта исследователи начала XX века, говоря об исполнении им основных христианских заветов, которые определяют человека к Вечности. Исследователи основной личности поэта Лермонтова считали именно жидущееся на вере нравственное чувство. О религиозных истоках нравственного идеала Лермонтова писал и Н. А. Котляревский – исследователь, глубоко прочувствовавший связь М. Ю. Лермонтова с духовной историей человечества. В его работе *М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения* читаем:

В века минувшие, люди, в борьбе за новый или обновленный нравственный идеал имели всегда одну великую союзницу – сильную своей наивностью или своей глубиной религиозную веру, которая освещала нравственные понятия, утверждала катехизис личной и общественной эпохи и давала своему исповеднику готовую программу поведения⁷.

Н. А. Котляревский указывает на вовлеченность Лермонтова в православную религиозную традицию и дает посылку для осмысления поэзии Лермонтова как свода христианских добродетелей. С. В. Шувалов, рассматривая стихотворение Лермонтова *Молитва* отмечал, что религиозное чувство Лермонтова сходно с религиозным чувством простого народа. Обращение к Богородице как к «теплой Заступнице мира холодного» сближает Лермонтова с народно-христианскими представлениями о «Заступнице усердной рода христианского»⁸. Интересна статья исследователя конца XIX века О. П. Герасимова *Очерк внутренней жизни Лермонтова по его произведениям*, где автор говорит об убежденности Лермонтова в естественности нравственных стремлений человека: «С этим же воззрением у него неразрывно было связано религиозное убеждение в бессмертии души человеческой, вера в Бога и убеждение в гармоничности и разумности всего мироздания»⁹. Сходные мысли находим и у П. А. Федоров-

⁵ П. А. Кропоткин, *Идеалы и действительность в русской литературе*, [в:] его же, *Собрание сочинений*, Санкт-Петербург 1907, т. V, с. 63.

⁶ Н. И. Стороженко, Н. П. Дашкевич, *Нравственный облик Лермонтова*, [в:] Михаил Юрьевич Лермонтов. *Его жизнь и сочинения*, сост. В. И. Покровский, Москва 1908, с. 222.

⁷ Н. А. Котляревский, *М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения*, Петроград 1915, с. 1.

⁸ С. В. Шувалов, *Религия Лермонтова*, [в:] *Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник*, Москва–Петроград 1914, с. 135–164, с. 155.

⁹ О. П. Герасимов, *Очерк внутренней жизни Лермонтова по его произведениям*, «Вопросы философии и психологии», 1890, № 3, с. 23.

ского, утверждавшего, что религиозность поэта выражали его герои, которые говорили о покорности воли Божией и смирении. П. А. Федоровский отмечал, что наше стремление к миру иному, по Лермонтову, есть результат нашего божественного происхождения, а благородные порывы и страсти души человека – отголосок песни ангела «под кущами райских садов...»¹⁰.

Эти в глубочайшей степени верные замечания имеют серьезные основания как в самой жизни поэта, так и в полных яркой художественной образности его произведениях. Этические координаты поэзии Лермонтова укоренены во взрастившей его духовно-культурной традиции православия, декларирующей теснейшее соотношение между земной и высшей правдой, между личным представлением о справедливости, являющейся доминантой этики как таковой, и справедливостью масштаба вселенского.

Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь Бог да совесть¹¹ –

эти слова еще юного поэта определяют его мировоззренческую перспективу, устремленную к осознанию и воплощению религиозного нравственного идеала. В традиции православной культуры, которая признает сочетание в человеке доброго и злого, «священного с порочным» (Лермонтов), достижение нравственного идеала возможно лишь через приобщение к церковной жизни, через участие в Таинствах, одним из которых является Таинство Исповеди, что есть чудо прощения человека и очищения его от порочных движений души. Покаяние свойственно и светскому, и религиозному сознанию. Но если в светском сознании оно проявляется в «переживании стыда и вины»¹², то в религиозном эти чувства сопровождаются осознанием факта освобождения от греха через участие в Таинстве Исповеди. И вот этим стремлением к очищению от греховных движений души пронизаны многие произведения М. Ю. Лермонтова, именно оно определило исповедальность как ведущее чувство его поэтического творчества.

Творчество Лермонтова являет собой художественные образцы истинно христианского переживания своих грехов, сопровождаемого горьким сожалением и искренним желанием исполнения воли Божией. Так, в стихотворении *Когда надежде недоступный...* (1835?) поэт передает опыт горечи жизни в богооставленности («И всё, что свято и прекрасно, / Отозвалося мне чужим...»), являющейся следствием греховного поведения. Но это же стихотворение передает и опыт молитвенного общения с Богом, дающего поэту надежду на искупление греха страданием и возможности обретения истинной жизни:

¹⁰ П. А. Федоровский, *Памяти М. Ю. Лермонтова*, Тифлис 1891, с. 7.

¹¹ М. Ю. Лермонтов, *Собрание сочинений в 4 томах*, под ред. И. Л. Андроникова, Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксмана, Москва 1957, т. I, с. 16. Далее цитирование по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

¹² Свешников (протоиерей) Владислав, *Очерки христианской этики*, Москва 2001, с. 148.

И вдруг услышал голос чудный.
 «Чего ты просишь?» – он вещал;
 «Ты жить устал? – но Я ль виновен;
 Смири страстей своих порыв;
 Будь, как другие, хладнокровен,
 Будь, как другие, терпелив.
 Твое блаженство было ложно;
 Ужель мечты тебе так жаль?
 Глупец! где посох твой дорожный?
 Возьми его, пускайся в даль;
 Пойдешь ли ты через пустыню
 Иль город пышный и большой,
 Не обожай ничью святыню,
 Нигде приют себе не строй» (I, 295–296).

Анализируя это стихотворение, иеромонах Нестор (Кумыш) пишет, что «покаяние поэта столь глубоко, что он даже ищет искупления своей вины принятием добровольных страданий ("пороки юности преступной я мнил страданьем искупить")». Иеромонах Нестор говорит и о том, что не только сам обращается молитвой к Господу, но и слышит Бога: «Посреди наступившей безысходности он вдруг слышит ответ Всевышнего ("И вдруг услышал голос чудный")». "Чудный голос" не только утоляет покаянный запрос души героя, но и направляет в правильное русло его усилия достичь примиренности с Богом и самим собой»¹³. Действительно, стихотворение является свидетельством духовного взросления поэта, констатацией его правильного душевного устройства, данного культурной традицией Православия.

В исповедальных стихотворениях Лермонтова условно можно выделить две группы, это собственно исповедальная медитативная лирика, имеющая сродство с жанром покаянной молитвы, и стихотворения гражданственного звучания, направленные на обличение пороков времени и общества, как то *Дума* (1840) или *Смерть поэта* (1837). Стихотворение Лермонтова *Дума* представляет горько-покаянную исповедь представителя своего времени. «Богаты мы, едва из колыбели, / Ошибками отцов и поздним их умом», – пишет поэт, и в этих словах нет, конечно, попытки самооправдания и переложения грехов на «отцов», но осознание и понимание общечеловеческой греховности, о чем читаем и во включенном в ежедневное молитвенное правило христианина пятидесятом псалме, где образно представлено переживание глубокого покаянного чувства. В этом боговдохновенном произведении псалмопевца царя Давида говорится о родовой неизбежности греха: «Вот я в беззакониях зачат есмь и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50). Человек выходит из дурной бесконечности греха только через покаяние и ответное помилование Божие.

Для Лермонтова таким выходом является жизнь в определенных исторических и жизненных ситуациях, которые, как правило, связаны с готовностью к подвигу и жертвенности ради спасения своих близких и Оте-

¹³ Игумен Нестор (Кумыш), *Был ли Лермонтов религиозным человеком?*, [в:] М. Ю. Лермонтов и Православие..., с. 249–250.

чества, с выходом из изображенного в *Думе* бездействия повседневности. Жизнь, соответствующая представлению поэта о должном, оказывается осуществима, например, в ситуации Бородинской битвы, вдохновившей поэта на создание его шедевра – стихотворения *Бородино*. *Дума* Лермонтова есть и исповедь, и проповедь – проповедь через обличение постыдного равнодушия к основным этическим координатам – добру и злу, как проповедью Царства Божия является лермонтовский *Отрывок* (*На жизнь надеяться страишь...*), в котором показана цель человеческого существования – радость безгрешной жизни. Как и в *Отрывке*, в *Думе* Лермонтов использует форму первого лица множественного числа – «мы», осознавая и свою личную вину за грехи своего поколения:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда (I, 24).

Поэт берет на себя ответственность за грехи своего человеческого сообщества, наблюдая и в себе язвы времени.

Свои покаянные чувства Лермонтов не выставляет напоказ, но передает часто через образную систему своих текстов. Так, например, уже сам эстетический момент развертывания действия на Кавказе, что для творчества Лермонтова является знаковым, подразумевает покаянное настроение. Николай I, отправляя А. И. Полежаева в ссылку, говорит: «Я даю тебе военной службой средство очиститься. Что же, хочешь? – Я должен повиноваться, – отвечал Полежаев»¹⁴. А в стихотворении *Раскаяние* (1832–1833) писал:

Но пред лицом Кавказских гор
Я рву нечистые одежды¹⁵.

А в случае, например, с А. И. Одоевским направление его на Кавказ было милостью императора, тронутого посланием поэта к отцу. Послание было «графом Бенкендорфом представлено государю и так понравилось, что повелено было перевести сибирского поселенца из Ишима пустынного рядовым солдатом на Кавказ, для выслуги»¹⁶. В стихотворении *Черкешенка* (1829) Лермонтов дает такое сравнение:

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит... (I, 107).

Для Лермонтова Кавказские горы – символ чистоты и непорочности, это особое пространство, где воздух чист «как молитва ребенка». Лермонтов проникновенно обращается к Кавказским горам: «вы к небу меня при-

¹⁴ Цит. по: А. Полежаев, *Сочинения*, Ленинград 1960, с. 17.

¹⁵ Там же, с. 167.

¹⁶ А. Е. Розен, *Биографический очерк А. И. Одоевского*, [в:] *Русская литература XIX в. 1800–1830-е годы. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей*, под ред. В. Н. Аношкиной, Москва 2000, с. 180.

учили, и я с тех пор всё мечтаю о вас да о небе». К. А. Кедров пишет, что «в зрелой лирике Лермонтова религиозное чувство нередко сливается с поэтическим восторгом, вызванным созерцанием красоты природы и мироздания»¹⁷.

У Лермонтова образ Кавказских гор и выступает как символ безгрешного существования, а само стремление к чистоте в ее пространственном выражении означает готовность предстать Вечному Судии и опыт свободы от греха, ибо человек способен к восприятию только того, что в нем в той или иной степени присутствует.

В передаче душевных движений через пейзажные образы видится и попытка объективности, а значит, справедливости в оценке личного состояния. Св. Василий Великий пишет, что на всеобщем Суде восторжествует «правдивое воздаяние, соразмерно самым делам», так что «и сами осужденные согласятся признать произнесенный над ними приговор справедливейшим». Именно этого справедливейшего Суда и ждет Лермонтов. Так, в стихотворении «Ночь I» (1830) поэт, переживая состояние смерти, обусловленное человеческим грехом, обращается к своему лирическому герою:

...и жди

Пока придет Спаситель - и молись...

Молись - страдай... и выстрадай прощенье... (I, 124).

В статье Т. А. Ивановой *Что говорят рукописи и книги (К вопросу об основном тексте «Демона»)* также как ведущая в поэме определяется идея «божественной справедливости»¹⁸. Категория справедливости – одна из главных как в системе общей этики, так и в этике религиозной – является краеугольным камнем всей этической системы Лермонтова, в картине мира которого важнейшее место занимают эсхатологические чаяния и, соответственно, образ Христа как Судии. Христос-Спаситель и Христос-Судия – вот образ Бога-Сына в поэзии Лермонтова, которого не увидел в его творчестве Д. С. Мережковский, отказывая Лермонтову в новозаветном – истинно христианском сознании.

Св. Иустин Философ (II век нашей эры) полагал, что «если некогда будет произведен Богом над всем человеческим родом суд, и каждый человек во время его получит справедливое воздаяние, то несомненно, что добродетель и порок – не пустые слова»¹⁹.

Само появление имени Лермонтова на устах его поколения было связано с темой Суда Божьего:

¹⁷ К. А. Кедров, *Религиозные мотивы*, [в:] *Лермонтовская энциклопедия...*, с. 365.

¹⁸ Т. А. Иванова, *Что говорят рукописи и книги (К вопросу об основном тексте «Демона»*, [в:] *М. Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества*, под ред. А. Н. Соколова и Д. А. Гиреева, Орджоникидзе 1963, с. 83.

¹⁹ Цит. по: Митрополит Макарий (Оксиюк), *Эсхатология святого Григория Нисского*, Москва 1999, с. 50.

Но есть, есть Божий Суд, наперсники разврата!
 Есть грозный Судия: он ждет;
 Он не доступен звону злата,
 И мысли и дела он знает наперед (I, 9).

Эти строки из знаменитого стихотворения *Смерть поэта* (1837) явили России Лермонтова, но и навлекли на поэта гнев тех, кто «таится» «под сению закона». В *Смерти поэта* есть эпитаф-обращение:

Отмщенья, государь, отмщенья!
 Паду к ногам твоим:
 Будь справедлив и накажи убийцу,
 Чтоб казнь его в позднейшие века
 Твой правый суд потомству возвестила,
 Чтоб видели злодеи в ней пример (I, 340).

Лермонтов воспринимает православного Царя как наместника Бога на земле, призванного производить справедливый Суд, именно справедливость является главным качеством Высшего Суда, являясь в идеале и ведущей закономерностью существования государства. Последние 16 строк стихотворения *Смерть поэта* не противоречат эпитафе, но лишь показывают, что осуществлению православной государственности препятствуют «жадной толпой стоящие у трона».

В стихотворении *Смерть поэта* Лермонтов выносит толпе строгий приговор, подтверждение справедливости которого находит в изложенных в Евангелии событиях распятия Христа. Как распятие Христа (а Пушкин здесь уподобляется именно Ему, и знаковой здесь деталью выступает образ тернового венца) связана с действием не столько личностей, сколько безумствующей толпы, подчинившейся дьяволу, жаждущей крови и опасющейся за свое мнимое благополучие и стабильность, так и смерть Пушкина – не только результат поступка того, кто «заброшен к нам по воле рока», но, прежде всего, толпы с ее завистью, ложью и клеветой. У самого Пушкина этот мотив звучит наиболее ярко в трагедии *Моцарт и Сальерий*, где Сальерий – образ ничтожной толпы, Моцарт приходит к мнимому другу, как сам Пушкин вступает в «этот свет завистливый и душный». «Жадною толпой стоящие у трона», предавшие в себе образ Божий, люди, утратившие веру в идеалы и переставшие стремиться к совершенству человеческого сосуществования, предстанут перед Божиим Судом. Эсхатологический пафос стихотворения Лермонтова *Смерть поэта* резко определяет толпу как обреченных к вечной гибели:

И вы не смаете всей вашей черной кровью
 Поэта праведную кровь! (I, 9).

В этом стихотворении автор-поэт противостоит толпе как свидетель ее беззакония, повлекших гибель светоча, дивного гения, как называет Лермонтов Пушкина. Здесь он поэт в своем единении с другим поэтом, вступающий в оппозицию к «клеветникам ничтожным». Поэт не может быть с толпой в ее проданности дьяволу, одно из имен которого – клеветник. Не

принимая ложь и лицемерие как поведенческий устав, именно перед лицом Божиим поэт обнажает грехи поколения. Проводником идеи праведности и является для Лермонтова поэт в своем высшем назначении, программным здесь является его позднее стихотворение *Пророк* (1841):

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В глазах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви,
И правды чистые ученья.
В меня все ближнии мои
Бросали бешено каменья (I, 81).

Лермонтовский пророк не боится суда толпы – осуждения, противопоставляя его в согласии с христианской традицией и лучшими образцами русской словесности, Суду высшему. Лермонтов здесь выступает наследником Пушкина, сказавшего в стихотворении *Поэту* 1830 года:

Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить сумеешь ты свой труд²⁰.

В стихотворении Лермонтова К*** (*О, полно извинять разврат!..*) – 1831–1832 гг., которое, по всей вероятности, адресовано А. С. Пушкину, читаем:

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного Суда
И чуждый на земле боязни... (I, 248).

Суд Божий противопоставлен суду человеческому. В стихотворении Лермонтова *Оправдание* 1841 года, обращенном к Вареньке Лопухиной, дается противостояние суда людского – суждения – молвы Божьему Суду:

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас Иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой (I, 171).

Судный день является одним из ведущих мотивов лермонтовской лирики. Эта тема влечет с собой и тему Царствия, земного и небесного, и тему смерти и бессмертия, и тему воскресения мертвых. В эсхатологизме мышления Лермонтова большое место отведено осмыслению идеи Царства, чуждого однако грубохилиастических воззрений: Царство земное явлено именно как отражение Царствия небесного и путь к нему. Мировоззренческая и политическая позиция Лермонтова соответствует принципу самодержавной власти, его положительный герой всегда «слуга Царю» (*Боро-*

²⁰ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: в 16-ти томах*, Москва–Ленинград 1937–1959, т. 2, с. 443.

дино, 1837), но поэт осуждает порочность отдельных властителей. В апокалипсическом свете им изображаются «цари земные», «почтившие великую блудницу». В стихотворении *30 июля – (Париж) 1830 года* Лермонтов пишет:

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. – Ты полагал
Народ унижить под ярмом.
Но ты француз не узнал! (I, 160).

В этом стихотворении изображается падение дома Бурбонов, и перспектива порочного властителя в свете вечности:

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы,
И их подымет Судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?.. (I, 160).

Подобное представление о Страшном Суде вполне в духе ортодоксального христианства. Так, св. Ириной Лионский пишет, что «Все, вписанные в книгу жизни воскреснут со своими собственными телами, со своими душами и духами, в которых они угодили Богу. Достойные же наказания подвергнутся ему также со своими душами и телами, в которых они отступили от благодати Божьей»²¹. Ту же мысль продолжает и святитель Василий Великий, что «тело, истлевшее во гробе, восстанет, и душа, та самая, которая отлучена смертью, снова будет жить в теле»²². И у Лермонтова «прах свой прежний вид возьмет». Возникает и образ весов, с помощью которых будут оцениваться пороки и добродетели, образ весов есть символ справедливости. Св. Василий Великий пишет, что «Труба, прозвучав нечто великое и страшное, разбудит уснувших от века»²³. Также и трубный глас, предшествующий явлению Судии является и в лермонтовском тексте. Иоанн Златоуст пишет, «что впереди (знамения) Сына Человеческого – креста – будет трубить Архангел Михаил и пробуждать почивших от Авраама до конца века»²⁴. Мы видим, что уже само имя Михаила Лермонтова провоцировало его поэтические рассуждения на тему страшного Суда. Образ Архангела у Лермонтова возникает довольно часто – и непосредственно, и опосредованно. В стихотворении *Бой* перед нами образ ангела на белом коне – «серебряной обвешан бахромой». В главе 19 Откровения от Иоанна Судия является на белом коне, и «все воинства небесныя следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый» (*Откр. 19, 14*). В лермонтовском тексте молодой воин

²¹ Цит. по.: Митрополит Макарий (Оксиюк), *Эсхатология...*, с. 73.

²² Там же, с. 229.

²³ Там же, с. 232.

²⁴ Там же, с. 229.

одерживает победу над воином, одетым в «одежду чернеца»: «И пал на землю черный конь». Так и Лермонтов, носящий имя Архистратига Небесных Сил, своей поэзией побуждает к стоянию в добродетели и к готовности предстать Суду Божию.

Видение мира в свете вечности, ожидание Вечного Судии и воскрешения мертвых, вера в справедливость Божьего воздаяния – всё это определило ведущие мотивы лермонтовского творчества и было основой его поэтического мироощущения. К Суду Божьему близок суд совести, который находит свое проявление в исповеди и проявляется в таинстве покаяния, «он имеет своим основанием евангельский закон, предметом – грех во всех его степенях и видах проявления, как противное началам евангельского закона движение человеческой души, обвинителем – самую совесть кающегося»²⁵, – пишет иеромонах Николай (Ярушевич). Исповедальное начало – ведущее чувство поэзии Лермонтова. Исповедальность творчества Лермонтова – изображение борьбы души с темными силами – во многом и спровоцировала осуждение поэта, ибо духовный путь полон искушений; но исповедь – это дорога к Царству Божию.

Обличение порока стало доминантой лермонтовского творчества, обнажает поэт и свои грехи, и грехи своего поколения, полагая себя ответственным и за них. Но духовное учительство поэта не исчерпывается изображением греха и покаяния. Своеобразным наставлением звучат строки из стихотворения Лермонтова *Ребенка милого рожденье...* (1839), посвященное сыну друга поэта Алексея Лопухина:

Да будет он отца достоин,
 Как мать его прекрасен и любим.
 Да будет дух его спокоен
 И в правде тверд, как Божий херувим.
 Пускай не знает он до срока
 Ни мук любви, ни славы жадных дум;
 Пускай глядит он без упрёка
 На ложный блеск и ложный мира шум;
 Пускай не ищет он причины
 Чужим страстям и радостям своим,
 И выйдет он из светской тины
 Душою бел и сердцем невредим! (I, 127).

Творчество Лермонтова имеет силу воспитательную уже и потому, что поэт не морализирует, а утверждает этику добродетели, нравственное начало у поэта имеет своим истоком Бога. Лермонтов воспринимает добро как основное содержание этики именно в его причастности высшему благу, как субстанциональную реальность человеческого бытия, освященного светом религии. Религиозная этика является «нервом» художественной системы поэта и именно нравственно-религиозный аспект существования человека имеет высокий мироустроющий смысл.

²⁵ Н. Иеромонах (Ярушевич), *Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.)*, «Исторический вестник», Москва-Воронеж 2002, № 1, с. 7-8.

Как нравственное завещание Лермонтова звучат строки его исторических произведений и самого известного из них, оформленного в виде диалога поколений, стихотворения *Бородино*. Там всё пронизано любовью к Отечеству и покорностью воле Божьей. Нравственное начало у Лермонтова неотделимо от чувства истории, ибо человек помнящий, а соответственно, и человек служащий своему Отечеству, является и человеком добродетельным, осознающим свою ответственность за судьбы мира и человека. Освещённая светом вечности православная нравственность предстает в творчестве Лермонтова и целью человеческого существования, и средством к ее достижению.

Summary

IRINA KISELEVA

LERMONTOV'S RELIGIOUS AND ETHICAL IDEAL: SOURCES OF FORMATION AND ARTISTIC REALIZATION

Ethics by Lermontov are deeply original and have a religious character. According to Christian canons, in the poet's consciousness, the source of moral is acting and a measure of a moral sense is Christ. Primary in Lermontov's poetry is the accusation of his generation's flaws. Also acusation of defectsc are strong in his creativity. The leading motive of Lermontov's poetry is that of God's court, which acts as a justice standard.

Key words: Ideal, Lermontov, religious ethics, God's court, conscience court.